

дение непременно должно нести в себе идеи, полезные обществу и всему человечеству в целом. И вообще, подобные идеи диктуются литературе не каким-то определенным направлением в критике, а самой жизнью».

С резкой отповедью всем тем, кто старается сейчас подновить и пустить в ход теорию «искусства для искусства», выступил критик Анвар аль-Маадави.

«Я полагаю,— предупреждает он,— что те, кто защищают теорию искусства для искусства или призывают превратить искусство в простое средство развлечения, представляют узкую школу, не желающую принимать во внимание ни эволюцию художественного понятия современной литературы, ни развитие культурного, общественного и политического сознания читателей».

«Проблема, которая вызвала нашу нынешнюю дискуссию,— пишет критик Мухаммед Гунейми Хиляль,— давно-давно решена литературной критикой за рубежом. Суть нашего спора сводится к вопросу, должна ли литература быть независимой и далекой от общественной жизни или она должна быть близка ей и решать ее проблемы в подлинно художественной форме, без чего немыслима вообще никакая литература. Между тем большинство критиков в зарубежной литературе уже давно сошлись на том, что настоящий писатель должен жить интересами своего народа и помогать ему в формировании национального самосознания».

Откровенность и прямота приводимых здесь высказываний участников дискуссии лишь подтверждает ее актуальность для литературы арабских стран.

Кто виноват: Издатель? Читатель? Писатель?

Читатель, писатель, издатель — все эти три «слагаемых» образуют как бы своеобразную «триединую формулу», все звенья которой находятся в прямой и явной зависимости друг от друга. И все-таки практика показывает, что самым решающим и наиболее чувствительным звеном в данном случае является, конечно, читатель. Ибо он, в конечном счете, определяет творческое и деловое самочувствие писателя и издателя. Об этом лишний раз напомнила анкета, которую не так давно провел во Франции Институт экономических и социальных исследований по поручению национального Синдиката издателей.

Данные этой анкеты оказались в высшей степени показательными. Как сообщила газета «Монд», в результате опроса, проведенного среди самых различных слоев населения Франции, выяснилось, что более половины всех французов (58%) вообще никогда не читают книг.

«Эта анкета,— пишет «Монд»,— проведенная одновременно путем обследования и путем «углубленных бесед», позволила не только собрать статистические данные, но — и в этом ее своеобразии — подвергнуть также анализу психологию среднего француза с точки зрения его интересов как читателя».

«Молодежь читает больше, чем люди пожилые,— продолжает «Монд». — В срок лет обычно расстаются с книгой. Вместе с тем ни радио, ни телевидение,

ни кино, ни театр, ни даже спорт не являются конкурентами книги. Наоборот, они стимулируют интерес, который она вызывает по крайней мере в зажиточной среде. Там же, где из-за финансовых затруднений приходится делать выбор, книга обычно приносится в жертву в первую очередь: ей предпочитают телевизор или автомашину».

Каковы же побуждения, заставляющие столь внушительное число французов не уделять книге достаточного внимания? Газета «Монд» ставит этот вопрос прямо и отвечает на него так:

«Весь мир прославляет книгу и преклоняется перед ней как перед каким-то полубогом, но ей приписывают такие суровые и внушительные функции, что пропадает желание к ней приблизиться. Все провозглашают необходимость чтения, но этой необходимости противостоит мысль о том, что чтение требует усилий, да еще к тому же усилий ничем не вознаграждаемых... Очень немногие считают чтение книгой занятием, которое имеет права гражданства наравне со многими другими. Всего лишь четверо из двухсот опрошенных используют свой отпуск на то, чтобы «иметь возможность читать», в то время как усталость и отсутствие свободного времени упоминаются участниками анкеты в качестве веской причины отказа от чтения, вполне способной служить им защитой от укоров совести».

Из множества цифровых данных, полученных в результате массового опроса, мы

выделили следующие: из каждых ста читателей лишь четырнадцать интересуются романами, примерно пять — мемуарной литературой и только один (!) отдает свой досуг поэзии и драматургии.

Виднейшие представители издательского мира весьма обеспокоены создавшимся положением.

«Мы еще не терпим прямых убытков,— подчеркивает издатель **Пьер Орай**,— но на протяжении последних десяти лет оборот книжной торговли совсем не растет, в то время как общая сумма доходов от зрелищных предприятий, телевидения и радио увеличилась в два с половиной раза. Если мы не раскочеемся — нам придется отступать.

...Если мы ничего не предпримем, будущее книги окажется под серьезной угрозой: те, кто не читают книг, прибегают к гораздо более поверхностным источникам получения знаний. А это означает конец книги, конец культуры».

Эти и им подобные высказывания, очевидно, должны привести к выводу, что во всех бедах, постигших французскую книгу и издательское дело во Франции, повинны одни лишь читатели, которые становятся все более ленивыми и нелюбопытными. Они, мол, не проявляют к книге никакого интереса и предпочитают на сэкономленные деньги заниматься чем угодно, но отнюдь не приобщением к благам литературы.

Но так ли уж повинны во всем многострадающие читатели? Не следует ли возложить соответствующую долю ответственности и на писателей, и на издателей? Не обязаны ли и они взять на себя немалую часть вины за «неуспех книги»? В справедливости именно такой постановки вопроса нас убедило красноречивое и политически темпераментное высказывание известного французского издателя **Рене Жюллиара**. Отметив, что Франция по размерам книжной продукции стоит на восемнадцатом месте в мире (одна книга на 10 тысяч человек) и уступает не только крупнейшим странам, но и «устрашающему росту молодых государств», Жюллиар счел нужным напомнить:

«Мы издаем книги только для имущих классов, совершенно забывая о рабочих и о крестьянах... Но французский народ в своей массе, население французских колоний, добившихся независимости, требуют приобщения к культуре, значение которой они все больше и больше осознают. Культура же не

насаждается в течение нескольких лет — и это надо твердо усвоить. Мы уже сейчас обязаны удовлетворять все такого рода требования. Мы находимся перед выбором: нам нужно либо перестроиться, либо согласиться на то, чтобы исчезнуть, отказавшись от всего, что на нас возложено».

В чем смысл высказывания Рене Жюллиара? Если называть вещи своими именами, то он состоит в следующем: кризис французской книги в огромной степени объясняется тем, что издатели пренебрегают интересами народа, не учитывают вкусов, потребностей, кругозора рабочих, крестьян, передовой интеллигенции. Не учитывают они и такого «читательского резервуара», каким являются бывшие французские колонии, уже добившиеся независимости в упорной борьбе (в том числе и на культурном фронте).

Если бы понадобились дополнительные доказательства того, как мало считаются буржуазные «законодатели вкусов» с истинными взглядами и требованиями масс, то лучшего доказательства, чем анкета, проведенная буржуазным еженедельником «Ар», пожалуй, и не сыскать. Мы позволим себе здесь остановиться лишь на одном, но весьма характерном вопросе этой анкеты, который гласит: «О ком из современных деятелей культуры вы можете сказать, что слава его является чрезмерно раздутой?» «Сокрушительным большинством голосов» (выражение «Ар») был поставлен на одно из первых мест известный художник-формалист, модернистская «звезда первой величины» Сальвадор Дали. Хотя он на все лады превозносится современной западноевропейской буржуазной критикой, рядовые французы сумели все же отнестись к его творчеству более чем трезво.

Читатели «Ар» именуют Дали «узурпатором славы», создателем системы «критической паранойи», изо всех сил старающимся прикрыть отсутствие таланта трюкачеством.

«Если существует раздутая слава,— гласит один из типичных ответов,— то это слава художника Дали. Что можно сказать о темных домыслах живописца, который тщится прослыть новатором и ничего не достигает?»

В заключение мы приведем еще один ответ на неосторожно поставленный редакцией «Ар» вопрос о том, какой из романов,

когда-либо удостоенных Гонкуровской премии, следует считать наихудшим.

«Глупый вопрос, — ответил один из участников анкеты, — кто же не знает, что самым худшим всегда является последний из романов, получивших Гонкуровскую премию?»

Как бы ни были обличительны все эти отзывы, попадающие поистине не в бровь, а в глаз кумирам модернистского искусства и поставщикам литературного чтива, мы цитируем их без всякого злорадства. Разумеется, содержащаяся в них критика в достаточной мере остра и убедительна. Но

еще более важным нам представляется то обстоятельство, что все они пусть в косвенной форме, единодушно подтверждают правоту тех мыслей, которые содержатся в приведенном нами высказывании Рене Жюллиара. Так ли уж действительно виноваты все те миллионы французов, которые отказываются читать книги, услужливо распространяемые буржуазными издателями? И не к месту ли здесь будет вспомнить грубоватую, но правдивую русскую половицу: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

Против модернистской зауми и «скидок на тему»

Известный польский поэт-символист Болеслав Лесьмян в свое время утверждал: «Что бы ни говорили о поэзии — все будет ошибкой; поэзия не поддается никаким определениям; определение является для нее грустной разновидностью гроба: поясняя — оно убивает». Хотя сам Лесьмян умер четверть века назад, такого рода точка зрения на поэзию до сих пор еще существует. Ее, как известно, разделяют и некоторые поэты, и кое-кто из критиков. Тем не менее не надо обладать особым литературным бесстрашием, чтобы отважиться все же подвергнуть поэзию анализу, или, выражаясь поэтически, проверить «гармонию» с помощью «алгебры». Это лишний раз доказано в ходе дискуссии о поэзии, которая не так давно состоялась в Польше.

Газета «Трибуна люду» в статье критика Януша Вильгельми подвела некоторые итоги этой дискуссии. Автор статьи не считает, что дискуссия оказалась слишком плодотворной, более того, результаты ее он оценивает как «весьма скромные». Тем не менее некоторые положения статьи, явно навеянные содержанием дискуссии, носят общий характер. В первую очередь это относится к проблеме доходчивости или понятности поэзии.

«Поэзия может быть максимально сложной, но она должна быть понятной, — говорится в статье газеты «Трибуна люду». — В противном случае она теряет присущее ей свойство воздействия с помощью осмысленного слова, а это — обязательная особенность всякой литературы. Поэтому, вопреки мнению одного из критиков далеко не доста-

точно, чтобы стихи были понятны самому поэту. Где же доказательство, что он их действительно понимает? Если поэт создал собственный искусственный язык, он обязан сначала разъяснить его. Лишь тогда мы сможем убедиться, как обстоит дело с пониманием этого языка. В области литературы на честное слово положиться нельзя».

Ряд интересных мыслей на ту же тему содержит напечатанная в газете «Новая культура» статья Алиции Лисецкой, в которой до известной степени подводятся итоги дискуссии. В этой статье говорится:

«Мы интересуемся не столько формальной преемственностью, сколько содержанием поэзии, «скелетом» мыслей и реалий, современной действительностью, как в прозрачном зеркале отражающейся в стихах любого крупного поэта.

Таким зеркалом явилась поэзия Элюара, Лорки и Арагона, не стеснявшихся писать о «повешенных и расстрелянных»; таким зеркалом была неповторимая по своему новаторству поэзия Маяковского, беспартийного поэта, чьим партбилетом были, по его собственному признанию, «сто томов его партийных книжек»; яростная, страстная поэзия Броневского в довоенные годы; потрясающая по политическому звучанию, прекрасная, хотя и трудная, интеллектуальная поэзия Брехта; тонкие стихи Рене Шара и ирония Галчинского... и многие другие «документы» подлинной взволнованности, поглощенности делами своей страны и эпохи, связи поэта с повседневностью и простоту с жизнью».

Справедливо возражая тем, кто не прочь видеть значительность любого стихотворения лишь в значительности самой темы, со-